Крылья

Автор:
Игорь Рыжков

Крылья

Игорь Рыжков

Крылья растут больно, но, когда они, напитавшись Солнцем, поднимут тебя в Небо – отказаться от них ты уже не сможешь…Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Игорь Рыжков

Крылья

– Все-таки, Тим сволочь. Он же зараза такой, ничего мне не сказал, а мог бы, а не сказал. Не сказал совсем ничего. Только ухмылялся себе под нос. Под свой большой горбатый нос, и щурил глаза, щурил свои бесстыжие глаза.

– Голубые, раскосые, в фиолетовых прожилках глаза, похожие на глаза старой собаки. И грустные и хитрые одновременно. Да, Тим еще тот гриб. Хотя, о покойниках либо хорошо, либо никак. Так ведь вроде? Либо хорошо, либо никак.

– А почему тогда я его ругаю? Может он и не умер вовсе? Я просто не понимаю, почему Ландгрувер считает, что если он не вернулся в Город, то он умер или погиб.

– Просто бред, какой то! Ну и что, что он Изгой? Живут же себе Изгои в Городе. Живут и ничего себе. Неплохо, в общем, живут. Ну, и что, что их никто не любит?

Ну и что? Ну, и что, что для них работы почти нет никакой? С голоду уже давно ведь никто не умирает!

– Разве можно считать Тима умершим, если он ушел из Города и не вернулся? Разве так можно? Изгои они на то и Изгои, чтобы из Города уходить.

– Только вот зачем же они из Города уходят? Плохо здесь, что ли? Еда есть. Вода есть. Одежда, какая никакая, а все равно найдется.

– Ну, и что, что Изгои подаянием живут? Что в этом такого плохого? Может быть, им так на роду написано? Может быть им так положено? Изгоям.

Дыхание сбилось мысли тоже. Этот из подъемов оказался самым длинным и сложным. Ступени осыпались. Местами бетон растрескался так, что того и гляди – рухнет вниз с проржавевшей, арматуры.

Я обошел опасное место и поднялся еще на несколько ступенек вверх. Перевел дыхание. Плотно прикрыл глаза и через секунду их открыл. Успокоил сердце, стучавшее уже, где то в горле. Мысли пошли ровнее. Плавней. Стали крепче цепляться друг за друга и я, качнувшись на пятках, пошел снова вверх.

– Разве можно считать человека умершим, если он просто куда-то вышел? Может быть, он и до Крыши то вовсе не дошел? Может быть, он в верхних уровнях до сих пор живет? А что? Там не так уж плохо.

– Старики говорят, что там и воздуха и света достаточно. А уж грибов там! Ну, вот видимо невидимо! Ешь – не хочу. Сам, правда, я там не был. Пока. Иду вот. Лезу как проклятый. А спросите зачем? Не отвечу. Тим бы вот ответил. Он умный этот Тим. Но где вот о сейчас?

– Ищи-ка его. К Бегунам ведь не пойдешь для того чтобы Тима разыскать. Кто он такой? – Скажут. – Ах, Изгой! Зачем нам его еще искать? У нас и так забот по горло! Почта, грузы, депеши донесения всякие. Недосуг нам по уровням за Изгоями бегать. Сам придет, если захочет. На то он и Изгой.

– Ну, да. Я тоже так думаю. Сам вернется. Наверное. А может быть он все-таки до Крыши дошел? Может быть, он уже, где то там, за Городом? Может быть ему

там хорошо? Может быть очень хорошо?

Я остановился передохнуть. Ноги гудели, словно в каждую ступню забили по сотне медных гвоздей.

– Гад, ты Тим! Чтобы тебя черти забрали! Чтобы тебе вовек в Город не возвращаться! Ну, зачем ты ушел? Я что «рыжий» тебя искать? Мне что больше всех надо?

Идти дальше сил не осталось. Я медленно опустился по стене и присел на грязный в бетонной крошке и крысином помете пол. Стал распаковывать рюкзак.

С припасами было негусто. Упаковка прессованных грибов. Галеты. Вода. Я качнул флягу. Не меньше литра еще.

Пока хватит. Длинные полупрозрачные пленки животных протеинов, свернутые в плотный рулончик. Это вообще НЗ.

Я подержал их на руке, и едва подавив желание съесть, засунул глубоко на самое дно рюкзака.

– Ну да. Изгоям же животные протеины не положены. Зачем он им? Он им только при росте и нужен. А когда уж они вырастут, то вот тут тебе и пожалуйста. Грибы кушайте. Их много. Тоже, в общем, белок.

Я вытащил увесистый брусок со специфическим запахом и сломал о колено. В воздух поднялась тонкая споровая пыль. Половинку убрал в рюкзак, половинку положил перед собой.

– Если ничего не есть так ведь и не дойдешь никуда. Так ведь? Пусть хоть и грибы. Но чем не еда?

Я поднес край сухого серого месива ко рту. Под язык накатилась слюна.

– Черт меня дери! Изгой хренов! Чуть на тот свет себя не отправил!

Я лихорадочно стал рыться в рюкзаке.

– Грибы – это тоже белок, но чужой. Без ферментов его не возьмешь. Не переваришь. Это точно. Не переваришь. Будешь по углам кровью ходить. Высохнешь весь. Кожа морщинами обвиснет. Станет серой и тяжелой. Глаза большими сделаются и западут. Совсем как Храмовник станешь.

–Мы ведь тоже не шибко толстые, но своего, то, что терять? Зачем? Вот Солдаты те да. Они толстые. Они постоянно животные протеины жрут. Да еще с сахаром. Зда-а-ар-р-ровые козлы!

Палец уперся в гладкий бок круглой коробочки с грохочущими внутри бусинами.

– Вот! – Обрадовался я. – И нашлось. С ферментами оно что же. Оно же гораздо веселее. Если грибы влагу на уровне где найдут так и вырастут. Их же можно любыми есть. И сухими и свежими. Можно пожарить. Можно смолоть и настой выварить.

Я положил желтую бусину под язык. Покатал ее, пока она не стала сверху мягкой и липкой.

– Говорят, что те из Изгоев кто до Крыши доходил, одним крысиным пометом питались. Под самой Крышей, даже, говорят, грибы не растут. Влаги им не хватает. Или еще чего, а без фермента же никак.

– А с ним даже гвозди переварить можно. Хотя я не пробовал. Мне Заходер говорил. Может быть, врал, конечно. Он Химик. Нет, правда. Я, правда, не вру. Он Химик. Настоящий. Он со своего уровня за всю жизнь ни разу не вышел. А ведь ему уже лет то ведь сколько. О-го-го.

– Седой совсем, но крепкий еще. Даже зубы все целые. Вот что значит Химик. Не любят их, Химиков, но побаиваются и уважают. Без них же ни света ни воды ни пищи. Головы у них конечно умные. Этого у них не отнять. А вот у меня, что же умного?

Я вытянул натруженные ступни в стороны. Боль перестала быть нестерпимой, но все еще не позволяла продолжить путь.

– Вот ноги разве что. Они, наверное, у меня головы умнее. Несут меня куда – то к черту на рога. Ни сна не ведают, ни отдыха. Только вот болят. Спасу нет!

– Ну, а и болят так, что? У Бегунов разве не болят? Конечно, болят! Только у них ноги глупые. Да и сами они глупые. Тима искать не захотели. Ну и не надо. У меня ноги умные. Сам найду!

Таблетка внутри была жесткой и отчаянно горькой. Я катал ее под языком от щеки к щеке, добиваясь максимального выделения слюны. Глотать ее было нельзя.

–Конечно нельзя! Как же ее глотать, если во рту среда такая, а в желудке такая? Проглотишь и капец! Можешь больше к Распределителю и не подходить. Ничего у тебя больше желудок не переварит. Сдохнешь где ни-будь в яме. Заберут тебя Могильщики и тем же Химикам отнесут. А кому ты больной нужен? Могут еще и живого отнести. Легко!

Я осторожно сглотнул слюну. Она была горькой настолько, что язык полностью лишился способности распознавать вкус. Я пошарил кончиком во рту. Нашел остатки пилюли и старательно их разгрыз. Дождался когда рот наполниться слюной и снова сглотнул. Теперь надо полежать минут десять, пока там, в животе реакция пройдет.

–Отрыжка будет! Мама не горюй! Но, а как без ферментов? С голоду подохнешь. Еда есть, а есть бесполезно. Вот ведь как может быть.

– Я вытянулся на хрусткой, при малейшем прикосновении рассыпающейся в мелкую пыль бетонной крошке и блаженно заложил руки за голову. Ногу на ногу. Погасил фонарь на каске.

– Еды и так едва-едва. Еще этих оглоедов кормить. Сами на осьмушку съедят, а светят, как будто их полгода не кормили.

Светляки тугим клубком скрученные в стеклянном пузыре, лишенные притока свежего воздуха пригасли. Перестали шевелиться. Уснули крепко, словно мертвые.

Меня окружила чуткая неровная тьма, с расплывчатыми пятнами светящейся плесени. Все-таки влага на этом уровне была. Может быть, просочилась из старых систем водоснабжения или канализации. Может быть, пришла сверху. Хотя, вряд ли. Далеко еще до Крыши. Очень далеко.

– А может, я и не дойду вовсе! – Колотилось в темечко. – Может быть, съем вот эти грибы, а они испорченными окажутся, или таблетки старые, или Химики пошутили? Свернусь вот здесь калачиком. Прочитаю молитву, да и отдам концы.

В желудке заворчало, забулькало, заклокотало. К горлу пополз шершавый комок. Вот теперь можно было есть. Я присел. Нащупал половину брикета и стал его грызть. Как только я проглотил первый кусочек, в желудке сразу стало тихо и спокойно. Только перистальтика ходила ходуном, словно катала под кожей камни. Я доел брикет и положил ладонь на живот.

– Может быть, фермента переложили в эту пилюлю, может быть изменился состав крови. Все может быть.

– Химики они тоже ведь не боги! Они же все про каждого знать не могут. Вот приболел я, скажем. Наелся фермента и грибами закусил. А у меня температура.

– Опять двадцать пять! Не тот баланс кислотно-щелочной и привет! Не умру я конечно. Нет. Так, покрутит немного в животе. Вот как сейчас.

Ощущения не были болезненными, но и приятными их назвать было нельзя. Тим говорил, что, если фермента лишка, то покрутит немного.

–Черт меня дери! – воскликнул я громко и ударил себя кулаком в лоб.

– Как же это я?! – Одна таблетка на брикет! А я целую ее съел! А брикета только половину. – Я посидел минуту, глубокомысленно шевеля пальцами.

Съесть сейчас остатки запасов означало, потом умереть голодной смертью. Нужно было дойти хотя бы до сто пятидесятого уровня. Там должна быть вода. А где вода там и жизнь. Там и плесень погуще, там и грибы имеются.

– Спасибо, Тим. – Глубокомысленно изрек я и склонился вперед, придавливая живот к коленям.

–Он хороший этот Тим. Он многое знает. Он и меня учил. Учил, как грибы есть. Учил воду искать. Учил в Городе ориентироваться. Жизни, в общем учил.

– Вот и сейчас, свернулся я в клубочек, мне и легче стало. Желудок в объеме уменьшился, а дальше в кишках желчь имеется, которая излишки фермента разлагает. Бурда эта грибная сейчас дальше пролезет мне и станет легче.

– Все-таки и Химики молодцы, и Заходер молодец. Это же надо было такую вещь удумать? Вроде таблетка махонькая, а есть можно все. Разве, что гвозди нельзя. Или я уже говорил о гвоздях? Или не говорил? Устал я. Вот!

– А Ландгрувер все-таки прав был, наверное. Они всегда правы эти Храмовники. Умер, наверное, Тим. Храмовники они тихие, умные. Они каждого из нас душой чуют. Закатят глаза, подумают немного и скажут где и какой лежит, или стоит, или работает.

– Но он еще совсем молодой Храмовник. У него тога все еще зеленая. Вот когда она желтой станет, тогда ему верить можно будет. А пока не верю я. Даже ему не верю.

– Пусть Тим будет живым. Пусть! Ну, пусть он болеет там. Простуда и все такое. Что я его в Город не дотащу? Вниз оно всегда легче! Всегда было легче по лестницам вниз. А вверх сложно.

Я шевельнул ступнями. Боль практически исчезла, оставив ощущение тяжести и скованности. Но идти было можно.

Я снял каску и приоткрыл шторку фонарика. Черви зашевелились, завозились, наползая друг на друга. Поднимая слепые морды кверху. Засветились ярко. В сумраке, почти слепя.

–Жрать хотят! Ох, хотят! – Я улыбнулся почти нежно.

–Ах, дармоеды. – Это я так про червей. Вроде бы и ругаю, а вроде бы и ласково.

–Они смешные Светляки, вроде тупые совсем, безмозглые, а настроение мое чувствуют. И светят ярче, когда у меня на душе светло.

Я полез в рюкзак. Нащупал ухороненный брикет и отщипнул кусочек. Растер его в пыль и этой пылью присыпал Светляков. Те замерли, словно в них кольнули транквилизатором.

Есть, не решились. Для нормального пищеварения Светлякам нужна была еще и вода. Я взял фляжку и скупо вылил в фонарь треть крышечки.

Светляки болеют, если с водой перебрать. Гнить начинают. Умирают быстро. Так они по три года живут, а тут за неделю выгореть могут. Потому лучше им воды недодать, чем передать.

Черви шустро заелозили внутри колбы фонаря и мягкими, губами, стали собирать с тел друг друга едва заметные крошки грибов. Эти могли, есть грибы без всяких ферментов. Просто так.

Я закрыл крышку фонаря и отодвинул шторку сильней. Коридор осветился белым призрачным светом. Плесень, из белой стала серой. Ей тоже нужен был свет. Какой угодно, сколько угодно. Она отдавала его, когда света не было, а если был, то впитывала в свое склизкое тело словно губка.

–Хотя откуда здесь свет? – Я сказал это вслух.

–Черт меня дери! – Выругался я в полный голос. Эхо побежало впереди. Ударилось о бетон и вернулось обратно, присмиревшее, едва слышимое.

– Если плесень светиться, значит, кто-то здесь с фонарем проходил. Совсем недавно проходил. Может быть, с неделю не позже. Если плесень годами света не видит, так ее в темноте и не разглядишь.

–Ти-и-и-им! – Прокричал я, надрывая связки. Из полузасыпанной штольни, пробитой Землероями через уровни, посыпалась древняя строительная труха.

–Тии-и-имо-о-о-оха-а-а-а!!! Ау-у-у-у! – На подъеме надтреснутый бетон захрустел, качнулся на арматурине, и сорвался вниз, ломая перекрытия, поднимая вверх

тонкую едкую пыль.

Я перестал орать.

– Старый Город. Очень старый. – Побежали мысли снова.

– Если говорить нельзя, так думать никто запретить не может. Как еще стоит не понятно? Хотя нет. Не прав я. Землерои – ребята, что надо. И униформа у них зеленая крепкая и ботинки как у Бегунов с шипами. И рукавицы. И еды вдоволь.

– Кормят их не хуже чем Бегунов. Это они Город строили. И сейчас строят. Ремонтируют и строят. Хотя чего тут строить? Он и так огромный. Едва ли в трети его живем. А уж уровней над головой столько. Мама не горюй! До Крыши только Изгои и доходили.

– Так Храмовники говорят. Они знают, что доходили. Хотя зачем они на Крышу лезут, даже они не знают. Наверное.

Я закинул рюкзак на спину и затопал дальше. Под ногами хрустела бетонное крошево. Светляки, пообедав и ощутив тревогу хозяина, засветили в полную силу. Света фонарика хватало почти на десять метров вперед. Я шел все дальше и дальше.

–Весь уровень обойду. Сдохну здесь, а Тима выручу. Стоп!

Я остановился как вкопанный.

–Плутать по уровню можно было годами, и без толку. Тима нужно было по следам искать. Изгои легки на ногу. По отпечаткам Тима не найти, а вот по плесени?

Я задвинул шторку на фонаре. Оставил искру только, чтобы руки свои видеть. Плесень светилась ярко. Светилась голубым, бирюзовым, оранжевым. Искры медленно ползли по стенам. Свешивались мягкими плетями с потолков. Я пошел дальше.

–Здесь плесень уже все равно моим фонарем засвечена. А вот дальше, наверное, не мои. Уже следы Тима будут. Или другого Изгоя. Но кто, же по этой дороге из Изгоев ходит? Только самые отчаянные! Только самые сумасшедшие.

– Не все ведь хотят до Крыши дойти. Многие так. Хвалятся только.

– По парадным маршам поднимутся на пятьдесят уровней и обратно в Город. А потом и бахвалятся перед своими да Храмовниками.

– Я, дескать, почти до Крыши дошел, только мне грибов не хватило. Или ноги стер или фермент кончился.

– Все одинаковые у них причины. А Храмовникам что? Поухмыляются себе, и дальше в свой Храм молитвы читать. Хотя, что они там делают – никто не знает. Да и знать то не положено.

– Почему? Ну, не положено и все! Солдаты стоят вокруг Храма. В три круга стоят. И никого не пускают. Я же не Храмовник! Не могу я внутрь попасть да посмотреть? Нет. Не могу.

– С Тимом один раз собирались под Храмовников нарядиться да в Храм пройти. Жутко же интересно, что там может быть. У Ладнгрувера тогу его зеленую украли, пока он спал. Он у Тима спал. А я в Храм пошел.

– Наверное, нужно было капюшон глубже натягивать. Храмовники они же все капюшон на самые глаза натягивают. Может быть из-за капюшона, а может быть из-за чего другого. На первом же круге и остановили.

– Здоровый такой Солдат. Челюсть тяжелая. Силища не то, что у меня. Как он мне звезданул своей дубинкой. Только искры из глаз. Только искры. Мы потом еще перед Ландгрувером извинялись.

– Даром, что Храмовник. Не допустил до Суда. Тогу отобрал. Почистил да в Храм. Долго его тогда не было. Почти неделю.

– Мы с Тимом извелись прямо все. Вот Тим, наверное, и не выдержал. Бывало и так, что Химикам и совсем здоровых отдают, если бы был Храмовник, или Бегун,

или Землерой, на худой конец, а то Изгой. Его же не жалко.

– Испугался, наверное, Тим и ушел из Города. А Ландгрувер пришел через неделю и сказал, что не будет нам с ним ничего. Простили они нас. Но вот если бы мы еще раз попробовали в Храм попасть, то уж тогда без пощады. Но мы, же не пойдем больше? Мы же, правда, больше не пойдем! Нет!

– Тим! – Пискнул я сдавленно.

На потолке что-то хрупнуло, но обвала не произошло.

Я шел вперед, все дальше уходя от засвеченной мною плесени. Вначале она была совсем темной, но когда глаза привыкли к темноте, стали выплывать белесые пятна.

–Вот здесь засветка очень сильная. Даже красные искры светятся. Здесь был привал. Почти полчаса фонарь светил. Спрашивается зачем? Поесть же можно и в темноте. Может быть, писал, что то или читал. Или думал о чем-то, о своем.

Я закрутился на месте. Опустился на четвереньки и едва не носом по полу стал проверять сантиметр за сантиметром. Пыль лезла в нос. В глаза. Но попыток найти следы Тима я не останавливал.

– Ексель, моксель! Храмовники и всех вас!

У стены в самом углу. Там где плесень светилась особенно ярко. Серая вековая пыль была вытерта, словно к ней кто-то прислонялся. И плети прилепились к потрескавшейся штукатурке вдавленные в стену.

–Ти-и-и-м! – Прокричал я в полный голос.

– И-и-и…– Вернулось эхо.

Закрутился юлой, обдирая коленки. Тонко принюхался. У Изгоев нюх, что у Храмовников чутье. Только сейчас вот, что-то нос подкачал. Лезли в ноздри запахи совсем не подходящие. Плесень, мох, старый высохший помет… Грибы…

– Ага…

Я присел, шевеля ноздрями. Это я раньше внимания не обращал. Грибами то пахло не свежими, а сушеными. Брикетированными.

– Значит, здесь Тим обедал. Должен был здесь обедать. Может быть крошку оставил?

Я добавил в фонаре света. На полу копошились черви. Обычные не Светляковые. Я знал, что есть их нельзя.

– Тим же и говорил, что нельзя. И Ладнгрувер подтвердил. Но они грибы любят.

– Причем, брикетированные грибы больше чем свежие. Из них Химики Светляков и вывели.

– Говорят, что эти черви, или на них похожие, трупы в протеин переводят. В реактивы разные. В напитки, еду и прочее.

–Пакость – эти черви, в общем. Вроде бы и нужные твари, а трогать их страшно.

– Но, что, же они здесь делают? Их же здесь целых… – Я пересчитал, как мог. – Десятка три.

Ответ был один. Здесь обедал Тим и что-то из продуктов оставил.

– А может? – Я сдавленно захихикал. Потом громче. Потом в полный голос.

– Ну, ты и зараза Тим!

Я поднялся на ноги и прибавил в фонаре света. Черви, собравшись в тонкие плотные жгуты, удивительно трудолюбиво вгрызались в пористый бетон,

складывались в знаке Крыльев.

Размашистой «птичкой-галочкой». Любой Изгой эту сказку знает. Дойдешь до Крыши, вырастут у тебя Крылья, и сможешь ты тогда летать. Вот только зачем Изгоям летать ничего в этой сказке не говорится. Может быть, нам и не говорится Изгоям.

– Обедал здесь Тим точно. И не только обедал. Помочился он, на бетон, выписывая условный знак Изгоя, а черви за влагой бросились. Вместе с бетоном каждую каплю собрали. Каждую молекулу. Я эту веселость тоже знал, но вот позабыл чего то. А Тим значит, не забыл. Веселится он, значит.

–Гад, такой! Он веселится. На полу знаки рисует, а я за ним по уровням гоняйся. До самой Крыши!

– Ти-и-и-им! Тии-и-имо-о-ош-а-а-а!! Отзовии-и-ись!

Я кричал долго. Пока совсем не охрип. Никто на крики не отзывался. В пустых коридорах верхних уровней звук разносился очень далеко. Если Тим был рядом, то он обязательно отозвался бы. Значит, он далеко или болеет или спит.

Делать было нечего. Нужно было идти дальше.

Дальше.

Я приглушил фонарь и надолго закрыл глаза. Нужно было привыкнуть к темноте.

– Плесень она почти везде здесь. Черви ее не едят. Почему не знаю. Но им и еда, и влага нужна.

– Может быть, Тим еще что ни будь, оставил. Какой ни будь знак. Крылья – в самый раз. Если он знак оставил, так я уж точно его найду.

Я открыл глаза и сделал с десяток шагов.

Здесь засветка плесени уже была не моей. Здесь прошел Тим. Наверное, он. Хотя, может быть и другой Изгой ходил. Все Изгои про Крылья знают.

Вот только до Крыши не все добираются. Да и не всем надо.

Светлая полоса плесени сворачивала налево. Это было непонятным. До площадки подъема было еще далеко.

Если Тим шел на Крышу, то он должен был идти по коридору дальше, а не сворачивать здесь.

Я с опаской заглянул за угол. Цветные плети, светясь, все слабее уходили, куда-то вдаль. Идти все равно было нужно.

–Гад, ты Тим!

Ругнулся шепотом. Скрестил пальцы наудачу и пошел. Все дальше и дальше.

– Может быть, Тим шахту нашел. Я слышал, что по этим шахтам сразу можно на Крышу выбраться. В некоторых – до сих пор подъемники ходят.

– Сидишь себе на платформе. Ногами болтаешь, а машина тебя на канатах на самую Крышу несет. Хорошо! Только вот если на машинах по канатам ездить, так ведь ногами ходить разучишься. А не будет шахты? А не будет машин? И что?

Но шахта была. И огонек. Совсем слабый огонек фонарика светил, где то в конце коридора.

– Тии-и-и-им! – Закричал я что есть мочи и, грохоча по старым перекрытиям, рванулся вперед.

– Тии-и-им! Я зде-е-е-есь! – Сзади рухнула подгнившая плита. Повалились строительные блоки. Поднялась едкая пыль, забила глаза.

Я остановился.

–Был Тим…

Услышал я тонкий грустный голосок.

–Был да весь вышел.

Я на ощупь прибавил света и, приоткрыв веки, попытался посмотреть. На коричневом одеяле лежал Тим. Бледный худой. С закрытыми глазами. С вывернутой не по-человечьи, в обратную сторону ногой. С разодранным окровавленным рукавом, к которому уже подбирались черви.

Кровь они тоже любили.

–Вера ты?

Мои глаза, не смотря на пыль стали совсем круглыми. Вот кого я здесь не ожидал увидеть так это Веру.

Маленькая худенькая, с испуганными глазами. В мешковатой совсем тоненькой нательной рубашке. Ей и рюкзак то не утащить. Она сидела рядом Тимом и отгоняла червей тонкой арматурной проволокой.

– Самсончик, это ты?

Вера подняла свои испуганные глаза вверх.

–А кто же?

Ругнулся и опустился рядом.

–Я же говорил ему! – Продолжал я ругаться.

–Я же говорил. Ландгрувер не обиделся. Ему тогу вернули и все. Храмовники только выговор сделали. Они не отдадут нас Химикам. Он обещал. Его неделю не было, Тим и испугался.

Пальцы коснулись посеревших губ Тимоши. Они были сухими холодными и жесткими, словно бетонные стены.

– Тим! – Толкнул я его в плечо.

–Тимофей! – Тело оставалось неподвижным. На уголке полуоткрытых губ застыла грубой коростой высохшая капелька крови.

–Тимофей!!! – Разозлившись, толкнул я его сильно в грудь.

–Он умер, Самсончик. – Произнесла Вера тихонько. Подтянула колени к лицу. Обняла их руками и стала покачиваться тихонько подвывая.

–Баю баюшки баю…. Не ложися на краю…. Придет серенький волчок…. И укусит за бочок… Баю-баю баюшки…. Спите мои заюшки…

–Вера… – Оторопел я.

– Ты чего? – Вера продолжала покачиваться, не обращая на меня никакого внимания.

–Спите, мои заюшки… Баю-баю-баюшки…

По выпачканной щеке потянулась к подбородку бороздка чистой кожи. Она плакала. Светляки в моем фонаре завозились. Свет, встревоженный слезами Веры, часто заморгал.

–Он решил на платформе до Крыши подняться. – Без всякого перехода произнесла Вера. – Он говорил, что эта шахта работает и что нужно только найти Ключ, чтобы подъемники включить.

Я обессиленный присел рядом. Пошарил в рюкзаке. Достал фляжку. Нацедил целый колпачок, протянул девушке.

–Пей! – Вера благодарно кивнула. Выпила воду и протянула мне колпачок обратно. Я навинтил его на флягу. Сам бы напился, но воды впритык.

– Когда я еще здесь воду найду. Не бетон же есть как черви?

– Нашли? – Глухо спросил я Веру.

– В то, что Тим погиб я до сих пор не верил. Ландгрувер же говорил, что он его не чувствует. Но я ему не верил. Все верили. А я не верил. И Бегуны верили, и Землерои и Заходер сказал, что если Храмовник сказал, что Тим умер так, так оно и есть. Все верят Храмовникам, только Изгои всегда сами по себе.

– Почему так?

– Нашли… – Грустно кивнула Вера всклокоченной головой.

Ее черные жесткие волосы в известковой пыли казались в бледном свете фонарика совсем седыми. А сама она казалась старой. Хотя нет. Она казалась ребенком, который вдруг стал старым. Правильное красивое умное лицо и седые волосы как у Заходера. Я передернул плечами.

– Он сказал, что если он поднимется так и я смогу подняться. А Ключ вон там. Он и сейчас включен. Только канаты очень старые. Проржавели все…

Вера замолчала. Покачивалась, как и прежде из стороны в сторону.

– Баю-баю-баюшки… – Начала она снова напевать старую колыбельную песенку.

–Так что с канатами? – Решил я ее прервать.

– Жалко Тима. Очень жалко. Очень. Он как друг. Он как брат. Я с ним вместе вырос. А Веру вот видел несколько раз. Не знал, что она с Тимом.

–Он уровней на десять поднялся, а потом стал платформу крепить. А Ключ на платформе не сработал. Надо было сразу проверить. Он не хотел без меня на Крышу подниматься. Он крикнул, что знает как ее остановить и вот эту железку в распор вставил. – Вера ткнула пальчиком с обломанным ногтем в искореженный стальной двутавр, валявшийся рядом.

– И платформа не выдержала? Да? – Вера кивнула. Прятала лицо в коленках и снова запела свою колыбельную.

–Эх, Тим-Тимофей. Старый друг. Умный и добрый. Что же это ты так?

Я придвинулся к лежащему Тиму ближе, трудно подняв его голову, положил себе на колени.

– Ты же сам мне всегда говорил: найдешь платформу, вначале закрепись, а только потом включай. Даже, если платформа не выдержит или канаты оборвутся, страховка тебя всегда спасет.

– Он страховался? – Протолкнул я через сухое горло бесполезный вопрос.

– Не знаю… – Отозвалась Вера, так и не подняв лица из-за коленок.

– Не знаю, Веревку с собой брал. Все смеялся еще. Все шутил. Говорил, что у Изгоев Крылья должны вырасти, если они падать начнут. Может быть, думал, что если упадет, так они вырастут. – Вера выбралась из-за своих коленок. Положила на них подбородок. Губы ее скривились. Она снова была готова заплакать.

– Сказки – это все… – Дрогнувшим голосом оборвал я Веру.

– Враки…. Зачем Крылья, если летать не куда? Зачем нам летать? У нас же ноги есть. А если далеко так Бегуны довезут или письмо можно написать. Только грибов раздобыть и все. За грибы они, куда хочешь, тебя довезут.

– Да-а-а, Самсончик… – Вдруг возмутилась Вера.

– А на Крышу они тебя за грибы повезут?

– А вот и повезут! – Возмутился я, хотя знал наверняка, что никакой из Бегунов, ни за какие грибы и протеины не захочет нести какого-то Изгоя на Крышу.

Тем более на Крышу.

– А ты пробовал? – Прищурила Вера свои большие глаза, которые теперь уже не казались испуганными.

– Н-н-ет… – Протянул я, остывая.

– Не пробовал… Ты, прости, меня, Вера. – Вдруг вырвалось откуда-то из глубины.

– Прости. Тим умер, а мы про Бегунов с тобой спорим. Никто Изгоя на себе не повезет. Никто. А уж Бегуны и подавно. Я им два рулона протеинов предлагал за то, чтобы они Тима поискали.

– И что? – Округлила глаза Вера.

– Не захотели… – Потупился я.

– Вот… – Стала Вера кривить губы снова.

–Никому мы не нужны, Самсончик. Никому. Совсем….

–Совсем… – Эхом отозвался я.

– Вера…

– Чего тебе? – Отозвалась девушка, хлюпая носом.

– Давай Тима похороним? Он был нам добрым другом…. А тебе… – Я покраснел. Какие отношения связывали Веру, и Тима я не знал.

– Дурак! – Выпалила Вера и снова спряталась за коленки.

– Почему дурак? – Не понял я.

– Да потому, что! – Снова захлюпала носом Вера.

– Да чего я то? – Сломал я брови. Мне тоже хотелось плакать. Сильно хотелось.

– Давай Тимошу похороним. – Все-таки согласилась Вера.

– Не к Химикам же его нести.

– Да уж. – Отозвался я оторопев. – Перепады настроения Веры говорили о многом. О многом они говорили. Да и что с того? У кого друг не умирал, тот не поймет что это такое.

Что такое держать на коленях голову мертвого друга.

Она не страшная смерть. Она горькая.

Я посмотрел в лицо Тима. Спокойное и доброе. Даже хитринок его обычных уже не было. Словно шел Тим-Тимофей куда-то. Торопился и все-таки пришел. Прилег отдохнуть и умер.

– У тебя какие ни-будь, инструменты есть? Верунчик?

– Откуда? – Высунулась Вера из-за коленок.

– У, Тима вроде – были. Посмотри в мешке. Можно что ни будь вокруг посмотреть. Железа то навалом. – Я осторожно опустил голову Тима на пол.

Нашарил тяжелый упакованный по всем правилам рюкзак Тима. Взвесил его на руке.

– Ого… – Я вопросительно посмотрел Вере в глаза.

– Хорошо упаковались. На Крышу шли? – Вера потупилась. Снова шмыгнула носом. Кивнула.

– Хорошо. – Я потянул за шнур, открывая черный зев брезентового мешка.

Инструменты должны были быть сверху. Они могли понадобиться в любой момент. Стал выкладывать железки на пол. Саперная лопатка. Верхолазная кирка-молоток. Карабины. Страховка.

– Вера. – Я вопросительно посмотрел на Веру еще раз, взвешивая на руке длинный моток крепкой, очень крепкой бечевы. Сплетенная из выделений шелковичных червей она могла удержать на весу человек десять. Даже Солдат, не говоря уже об Изгоях.

– Это страховка, Вера. – Вера хлопнула густыми ресницами. Хлопнула один раз и второй.

– Тимоша. – Всхлипнула она. – Он специально упал. Он знал, что ты за ним пойдешь. Он знал, что ты его искать будешь. Он знал, что ты его найдешь! Он знал, что ты и меня найдешь!!! – Вера ухватила себя за щеки грязными ладонями.

– А зачем? – Хмуро спросил я.

В то, что Тим знал, что я за ним пойду, я почти верил. Я не мог за ним не пойти. Он же мне друг. Он же пропал. Как же я за ним могу не пойти?

– Он старый. – Вдруг произнесла она совсем серьезно.

–Кто старый? – Не понял я.

–Тимоша старый. – Добавила Вера. – Это он выглядит молодым. А он совсем старый. Мне Заходер говорил. Он для Тимоши блокиратор готовил.

– Н-да… – Только и ответил я. Я знал, что такое блокиратор. – Та еще гадость. После нее неделю в бреду будешь валяться. Температурить. Кровавым потом покрываться. Потом, правда, становится легче. И сил прибавляется и здоровья. Только ненадолго это все.

– Если стареть, как все стареют, то можно до ста лет жить. А с блокиратором лет десять протянешь, может быть чуть больше.

– Молодым будешь выглядеть, но потом отказывает все сразу. И печень и почки. Да говорят, что и ума лишаешься. На стены прыгаешь. Да только говорят. Сам не видел, не знаю.

– А сколько ему? – Посмотрел я на Веру. Та уже не плакала. Но, все еще сидела, обняв коленки, и покачивалась из стороны в сторону.

– Заходер говорил, что они ровесники.

– Н-да… – Снова протянул я. – Получалось, что Тиму за шестьдесят. Уже далеко за шестьдесят. Может у него уже отказывать что-то стало. Может мозги? Поэтому он страховку и забыл?

– Он говорил, что времени у него совсем мало осталось. – Тихо сказал Вера.

– Он говорил, что всю жизнь хотел на Крышу подняться. Он Крыльев хотел. Говорил, что боялся это делать всю жизнь.

– До сотого уровня дойдет и обратно в Город возвращается. Выше никогда не поднимался. А еще говорил, что короткий путь до Крыши знает. Короткий и легкий. Попросил меня с собой пойти. Я и согласилась. Он хорошо подготовился. – Вера замолчала. Взяла снова железный пруток и отогнала прочь червей, подбирающихся к запекшей крови на полу.

– Ты же с собой не позвал, Самсончик.

– Хорошо. Это точно. – Пропустил я последнее заявление. Взвесил еще раз на руке мешок. Остальное в мешке было продуктами. Или почти ими. С моим запасом не сравнить. С половиной брикета грибов и одним рулоном протеинов я бы и обратно не дошел. Да и до Крыши, наверное, тоже.

– Вера… – Посмотрел я девушке в глаза. Та отвела взгляд в сторону. Она наверняка рассчитывала, что я отвечу на ее фразу по поводу того, что не я ее позвал. Но откуда, же мне знать, что она на Крышу хочет? Да еще со мной?

– Как он умер, Вера? – Вера погрустнела.

– Он хорошо умер. Почти не больно. Он как с платформы упал, сразу сказал, что умрет. Но не расстраивался. Он попросил помочь ему на одеяло лечь и песню попросил петь пока он живой.

– Какую? – Удивился я. Чтобы Тимофей у девочки песни петь просил? Это же черт знает что такое? Это же стыдно!

– Колыбельную, Самсончик. – Вера блеснула влажными глазами в мою сторону.

– Я ее пела, когда ты пришел. Я ее уже второй день пою, может и больше.

– Ты хоть ела, что ни будь? – Грубовато спросил я. Вера отрицательно качнула головой. Я полез в свой тощий мешок достал рулончик животного протеина и протянул Вере. Весь.

– Ешь! – Вера округлила глаза.

– Самсончик! Ты чего?! Тут же на три дня?

– Ешь, говорю! – Почему же я с ней такой злой? А плакать хочется. Вот почему. Милый Тимка. Тимофей. Умер Тимоша и теперь уже никто на меня его глазами смотреть не сможет.

– Похоронить его надо. Знаю, что черви съедят. Но, пусть только не сразу. Пусть потом.

Я взял кирку и отошел в сторону. Туда, где бетон совсем прохудился, и рубился, словно сухая земля.

Вера осторожно развернула рулончик полупрозрачной пленки белков и надкусила край. Наверное, она не часто ела такую вкусную еду. Глаза ее сделались совсем голодными. Она кусала его и жевала, кусала и жевала. Глотала и кусала снова.

– Ешь, Верунчик, ешь. – Подумал я с непонятной нежностью. Размахнулся через плечо и врубился в бетон. Тот отвалился в стороны брызгами.

– Р-раз. И р-раз. – Командовал я себе, то злясь, то сожалея, то едва не плача. Командовал, пока яма не получилась достаточной для того, чтобы положить Тима почти вровень с полом. Тогда я выпрямился и вытер со лба пот.

Светляки в фонаре утомились и хотели пить. Это было заметно по зеленым оттенкам их свечения.

– Вера! – Окликнул я свою нечаянную спутницу.

– А у вас вода была? – Мне никто не ответил. Я подошел к тому месту, где лежал Тим.

Вера спала, свернувшись калачиком рядом с мертвым Тимом так и не выпустив из руки пруток, которым отгоняла червей. Те уже заползли на одежду Тима и с удовольствием слизывали запекшуюся кровь.

– П-п-пшли… – Зашипел я на них и пинками раскидал в стороны.

– Самсончик… – Вдруг захныкала Вера во сне. Совсем как ребенок.

– Вот это да! – Я оторопел. Склонил голову на бок.

– Как же это я так? Совсем ведь я ее не знаю. А она выходит меня знает. Может быть и с Тимошей пошла потому, что…

Я не стал додумывать. Додумывать этот вопрос было непросто. Я просто снял с себя куртку. Крепкую, надежную, теплую. Я просто ее снял и укрыл Веру.

Я большой. Почти на голову Веры выше. Ее моя куртка от плеч до пяток укрыла. Свернул потуже свой мешок и под голову ей положил. Все-таки удобней, чем на тонком одеяле лежать.

Взял флягу, капнул три капли Светлякам. Те обрадовались. Засветились ярко.

– Надо бы им дать поспать, но тогда совсем света не будет. Разве что в фонаре Тимофея что-то осталось? Искать не буду. – Решил я. Нужно дело до конца довести. Потом и отдохну.

Спина ныла. Руки подрагивали от кирки. Все-таки яму я вырыл здоровую.

Я взялся за одеяло, на котором лежал Тим и потащил его к яме. Положил его туда и присыпал бетонной трухой сверху, уплотнил лопаткой. Конечно, черви и туда пролезут, но все- таки полежит пока Тим спокойно. Помечтает о своем. О Крыльях помечтает.

Светляки в ее фонарике совсем оголодали. Я капнул им воды. Порылся в карманах, набрав грибных крошек, сыпанул им поесть.

– Посветят они еще пару-тройку дней. Пусть Тимке светлее с ними будет лежать. Пусть.

Усталость накатила, словно я прошел тридцать уровней к ряду.

– Самсончик! – Вдруг проснулась Вера. Проснулась, словно и не ложилась вовсе. Сидела, кутаясь в мою куртку.

– Ты где? – Шарила полоумным взглядом из стороны в сторону.

– Здесь я, Вера, здесь. – Отозвался я в полголоса.

– Я Тима похоронил. – Личико Веры из испуганного стало грустным.

– Он был хороший, Самсончик, правда?

– Правда. – Согласился я и присел рядом с Верой.

– Вера, давай поспим немного. Устал я. Правда, устал. – Я посмотрел Вере в лицо.

– Бедненький. – Коснулась она моей щеки нежно.

– Устал. Давай поспим. Давай. Ты меня обнимешь? – Я осторожно пожал плечами. Здесь за сотым уровнем уже прохладно. Если спать врозь, то много энергии потеряется. Замерзнем – придется продуктами компенсировать. А их никогда много не бывает. Нам ведь еще в Город возвращаться.

– Обниму. – Кивнул я головой и повалился на бок. Вера свернулась клубочком рядом. Взяла мою руку и забралась под нее.

– Спи, Самсончик, спи. – Пробормотала она, засыпая.

– Да… – Согласился я и тоже стал проваливаться в зыбкие сумерки сновидений.

Снов не хотелось, но они не спрашивают, приходить им или нет. Они просто снятся и все. Снился мне Тимоша. Веселый и добрый. Он водил меня по уровням, показывая как пробираться через осыпавшиеся пролеты. Как определить крепок ли бетон. Можно крепиться к арматуре, торчащей из стены, или нельзя.

Вот почему он так много знает….

Глухая тоска подкатила во сне. Это было таким странным. Потери сразу не осознаешь. Они приходят потом. Они встают, где то за грудиной и ноют и ноют.

Я засыпал все крепче. Усталость давала о себе знать. И чем глубже я уходил во сны, тем непонятнее и тоскливее они были.

Заходер в толстых в целый палец очках. Со слабыми ногами. Сидел за своим микроскопом. Поглядывал в него и смешивал цветные растворы.

– Ты как, Самсон? – посмотрел он на меня поверх стекол, смешно опустив душку на кончик носа.

– Блокиратор будешь? – По спине прошел колючий озноб.

–Я еще молодой Заходер. – Ответил я Заходеру.

– Мне блокиратор не нужен.

– Ну, понадобится – Заходи.

– Хорошо. – Киваю я головой и плыву еще глубже, еще дальше.

Ландгрувер грустный, с поникшей бритой головой в ровных крапинах, обозначающих его еще не высокий ранг Храмовника.

– Ландгрувер – Спрашиваю его я

– А Изгои, они зачем? – Тот пожимает плечами и поднимает на меня вдруг повеселевшие глаза.

– Только им даны Крылья Самсон. Только Изгои могут увидеть небо и солнце. Только они могут летать.

–Ты врешь! – Кричу я Ландгруверу. – Я всю жизнь Изгой! Я родился Изгоем! Я и умру Изгоем! Но я никогда не видел, ни у одного из Изгоев Крыльев! Ни половины их не видел! Ни четверти!

Ландгрувер снова пожимает плечами. Он тоже не знает это наверняка.

– Так высшие Храмовники говорят, Самсон. Но, так говорят в Храме, и тебе следует этому верить.

Я плачу. Слезы текут по впалым щекам. Глаза узкие не как у всех, глаза Изгоя, мокрее мокрого.

– Почему, Ландгрувер? Ну, скажи мне почему? Почему я не родился Бегуном? Солдатом или Храмовником. Почему я не стал Химиком? Почему все считают, что мы даром едим грибы?

Ландгрувер пожимает плечами. Ландгрувер сжимает губы в нитку. Храмовник не должен повторять дважды того, что уже сказал. Нельзя не верить Храмовнику. Храм для Города – все. Храмовник говорит один раз. Всегда только один, и спрашивать еще, и еще – это не верить Храму.

Я отворачиваюсь. Мне никто не ответит. Никто.

А вот и Вера. Такая смешная. С косичками. И я совсем маленький еще. Бегаю по галереям в коротких штанишках и смеюсь как все дети.

Мне весело. Здесь почти все Изгои. И Вера тоже. У нее глаза в темноте почти не видят. Они меньше чем у всех. Но больше чем у меня.

Вот Валетт, тот Землерой. Это сразу заметно. Руки сильные, ноги короткие. Голова большая. Ноздри сплюснутые. Сильный. Он дразнится. Он показывает на меня пальцем, прыгает на своей кривой в мускулистых узлах ноге и кричит тонким голоском:

– Самсон – дармоед, Самсон – дармоед!

Появляется старый в дряблой коже и глубоких складках в пурпурном хитоне высший Храмовник. Молча, берет Валетта за руку и отводит в сторону.

Долго с ним беседует. Тот кивает головой победно зыркая в мою сторону. А я по-прежнему слышу

– Самсон – дармоед! Самсон – дармоед. – Храмовник уводит Валетта еще дальше. Очень далеко. Долго разговаривает с его матерью. Та кивает так же победно, поглядывая в мою сторону.

Она Плантатор. Она следит за плантациями грибов. Она недаром их ест. Если она не будет за ними ухаживать, то умрут все и Храмовники, и Химики и Изгои.

– Самсончик! Самсон… – Это уже из яви.

Я проснулся. С трудом перевернулся затекшим телом на спину и открыл глаза. Плесень, вобравшая много света, давала распознать контуры, и даже кое-что из деталей.

Вера сидела, завернувшись в мою куртку, и испуганно смотрела на то место, где лежал Тим.

–Тим ушел! Самсон! – Она, трогала то место, где он лежал, и снова прятала руку в складках куртки. – Он вовсе не умер, Самсончик! Он выздоровел и ушел. – Я, скрипнув зубами, поднялся.

Отдохнуть полноценно не получилось. Спина ныла. Руки гудели, но боль была терпимой. С ней можно было смириться. Но если я не отдохну за десять часов хотя бы еще час, то потом, просто свалюсь от усталости, и потом меня будет не поднять.

Я тронул Веру за плечо.

– Верунчик, я похоронил Тима. Вон там. – Я показал на притушенную блестку фонаря его каски. Светляки чувствуют хозяина. Они тоже грустят. В их переливах отчетливо виделся бордовые оттенки.

Вера всхлипнула. Дернула плечами.

– А я думала, что он ушел – Она посмотрела мне в глаза.

– Нет… – Ответил я нежно.

– Нет, конечно. Тебе просто плохой сон приснился.

– Плохой. – Согласилась Вера. Она подобрала ноги под курткой.

– Мне снилось, как Валетт обзывался. Он злой этот Валетт. Его потом Храмовники к себе взяли на перевоспитание. А он все равно не перевоспитался.

– Я проснулась. Вспомнила, что с Тимом была, а его нет. А потом вспомнила, что он с платформы упал. А тут его нет. Я думала, что он просто поранился, а потом встал и ушел. Посмотрел, что ты пришел и ушел.

Я глубоко и порывисто вздохнул. С трудом поднялся на ноги. Постучал ногтем по стеклу своего фонаря, будя Светляков. Те завозились, залезая друг другу на спины, вытягивая слепые головы, трогая губами стекло и переливаясь радостными голубыми красками. Я надел каску, натянув козырек почти до бровей.

– Нам пора, Верунчик, пора. – Вера съежилась под курткой.

– Ты же не поспал Самсон. – Я пожал плечами. Если я сейчас усну, то не проснусь и через три часа. Отдых должен быть полноценным.

– Я потом. Когда ты устанешь. Хорошо?

– Хорошо. – Согласилась Вера. Она встала на ноги. Подняла куртку на вытянутых руках и протянула мне.

– Это же твое, Самсончик. Ты одень. Тут холодно уже. – Я нахмурился. С Верой, что – то было неладно.

– Оставь себе, тебе нужнее, ты маленькая и голодная, поэтому и зябнешь. Мне не холодно.

– Хорошо. – Быстро согласилась девушка. Она всунула руки в рукава, застегнулась на все пуговицы. Я весело прищелкнул языком. Куртка Вере явно шла. А если бы была еще и чистой….

– Давай с Тимом простимся. – Я, с трудом переставляя ноги, двинулся по направлению к фонарю Тима.

Ничего. Ноги расходятся. И руки разработаются. Все придет в норму.

– Придет. – Я прижал правую руку к сердцу и склонился над невысоким холмиком.

– Мир тебе, Тим.

– Мир тебе, Тим. – Повторила Вера и тоже поклонилась. Я вернулся к тому месту, где мы спали, и просто затолкал свой рюкзак в рюкзак Тима целиком.

Лопатку засунул себе за пояс, а одеяло, скатав в рулон, перебросил через плечо. Тим рассказывал, что так в Далекой войне носили шинели.

Войн было две – Далекая, и Последняя.

В Далекой были Солдаты. Они носили шинели, и когда было жарко – скатывали их в валик, скручивали бечевкой, и продевали через плечо.

Очень удобно, между прочим.

В Последней войне Солдат не было. Никто не знает почему.

Последняя война тоже была очень, и очень – давно. Но Далекая все равно была раньше.

Я забросил рюкзак на плечо и засунул кирку за пояс.

– Ну… – Позвал я Веру. Та тихонько отступила от могилы Тима и подошла ко мне вплотную.

– Пошли….Пошли. – Вера взяла меня за руку, и ощущать ее теплую ладошку в своей мне показалось очень приятным.

– А куда мы идем? – Спросила она, как только мы отошли на десять метров.

– В Город. – Твердо ответил я. Вера остановилась.

– Самсончик, милый. – Прошептала она

–Я не хочу в Город. Там плохо. – Я растерялся.

– Вера – Попытался я ее вразумить. У нас продуктов на неделю. Этого как раз хватит для того, чтобы вернуться в Город.

– Этого хватит, чтобы подняться на Крышу. – Прошептала Вера испуганно. Она подумала, что я начну ругаться.

– Тим хотел выбраться на Крышу. Я тоже хочу. Ты можешь оставить меня. Я возьму Светляков у Тима. Они меня полюбят – вот увидишь. Ты мне только грибов оставь и воды. Чуть-чуть. Я сама могу дойти. А ты, если хочешь, возвращайся в Город.

– Черт! – Подумал я.

– Черт! Черт! Черт! – Если бы я был один, то я бы сам пошел искать подъем на Крышу, но с Верой. Может там плохо? На Крыше. Может быть, там нечего есть? Может быть там нечего пить? Может быть, там дышать нечем или в воздухе полно яда?

– Нужно идти в Город. – Упрямо качнул я головой.

– Вера идем в Город. Мы устали. Мы не сможем дойти до Крыши. Не сможем. Да и если дойдем – мы не готовы. Нужно больше еды, нужно больше одежды. Нужно… – Я остановился. Вера смотрела на меня как-то совсем странно.

Она никогда так на меня не смотрела. Я ее и помню то плохо, но вот так она на меня не смотрела. Я помню. Она всегда смотрела на меня с интересом и восторгом. Может быть с радостью.

А теперь.

Вера сделал шаг назад.

– Ты… – Сказала она, кривя губы.

– Ты… – Она вдруг стала, ломая пальцы расстегивать крутку. – Забери свою куртку! Не нужна она мне! Я все равно на Крышу пойду. Ты же… Ты…

– Я не трус, Вера! – Выкрикнул я свой действительно настоящий страх.

– Я не трус! Ты не знаешь что там на Крыше! Я не знаю что там на Крыше! Никто не знает! Даже Тим! Даже Ландгрувер! Может только Династы знают…. Да и то….Ой! – Вера прижала кулачки к губам и сделала круглые глаза. Я запоздало прикусил язык. Сплюнул через плечо три раза и постучал каблуком об пол.

– Детство это все. Приметы, наговоры всякие, но мало ли.

– Ну, что? – Спросил я Веру.

– Мы идем? Идем в Город?

– Хорошо… – Согласилась Вера и опустила свою голову в бетонной пыли.

– Идем… – Она снова вложила свою ладонь мне в руку и мы пошли. Хрустко давили крошку. Светляки в моем фонарике, почувствовав дорогу, светились ярче.

– Я вообще не понимаю, как они чувствуют дорогу? Они же слепые? Вот ведь тоже незадача! Думать о таком что есть, а не понимаешь. Ну, да ладно. На то, чтобы думать есть Химики. Они все знают или почти все.

–А, вот, про Династов, я точно зря сказал. Зря! Их может быть на весь Город человек десять, а может быть и меньше. Они в Храме живут. Им Храмовники и служат. Ну, да ладно. Шут с ними со всеми. Теперь бы только до Города дойти.

Я через плохие подъемы шел. Вере там не спустится. Придется обходить. А любой обход – это день не меньше. Уровни они длинные, а подъемов-спусков не много. Да если и есть, то половина – труха.

– Самсончик… – Прерывисто проговорила Вера.

– Самсончик потише… Я не успева… Ю… – Я остановился с удивлением разглядывая девочку. Вера подошла ближе и виновато посмотрела мне в лицо. Ее щеки горели. Я потрогал мочки ушей. Они были ледяными.

– А ну-ка кашляни! – Вера, отдышавшись, уже не выглядела больной.

– Самсончик ты чего? – Забеспокоилась она.

– Я, правда, не больная. Правда. На вот – Кхе… Кх-грмхе… – В ее кашле, сухом с хрипами отчетливо проступала болезнь. Только начинающаяся болезнь.

– Ты ничего не ела после того как Тимоша упал? – Вера молчала.

– Может быть, ты грибов поела без ферментов?

– Что ты Самсончик? – Заулыбалась Вера вымученно.

– Я же знаю, что грибы нельзя без ферментов есть. Не ела я ничего Самсончик и не пила ничего. Я только своей рубашкой Тима накрыла. Он уже совсем тихий лежал. Раньше он мне не позволял себя накрывать, а когда он глаза закрыл и уснул, так я рубашку сняла и его укрыла. – Вера замолкла. Наверное, она чувствовала себя виноватой.

Я расстегнул ворот своей теплой в большую клетку рубашки для того, чтобы освободить шею. Шеей лучше чувствовать холодно на уровне или тепло.

Кожу лизнул промозглый ледяной сквозняк.

– А ну… – Я отстегнул с пояса флягу. Почти полную флягу с водой.

– Пей…

– Самсончик. – Испугалась Вера.

– А ты? Тут же вода….

– Знаю, что вода. – Откровенно грубил я.

– Пей… – Вера осторожно взяла фляжку и долго возилась с пробкой.

– Никак, Самсончик. Никак… Я потом. Ладно? – Я выхватил из ее рук флажку и легко скрутил пробку. Вера хитрила. Она знала, что воды у нас немного.

Она знала, что всю ее пить сейчас нельзя. Потом может не остаться сил. Нужно экономить. Но и я знал, что если Вера больна, то до Города нам не дойти.

– Просто не дойти и все! И до Крыши тоже.

– Пей, Верунчик. – попробовал я говорить с ней нежнее.

– Пей. Тебе надо.

– Хорошо. – Согласилась Вера и, опрокинув флягу, стала жадно глотать воду. Она напилась, слизнула с губы каплю и протянула флягу обратно.

– Спасибо Самсончик, спасибо. – Ее лицо, из бледного, вдруг, стало молочно – белым, глаза закатились, и она медленно осела на пол. Я оторопело сел рядом.

Мы с Верой не прошли и сотни метров. Даже не дошли до обвала за последним подъемом. Я все еще боялся, что подъем будет засыпан и придется искать обход.

– А теперь? А теперь. Что же теперь?

– Как же ты так? Верунчик? А? – Я повернул ее лицо к себе. Впалые щеки. Темные синюшные губы. Дыхание мелкое и частое. Я коснулся губами лба.

– Черт!… Черт! Черт! Черт! – Лоб был горячим, словно реакторы Истопников. Я взял ее ладонь, и прижал к своей щеке.

– Самсончик… – Прошептала Вера.

– Самсончик, ты меня оставь. Ты дойдешь сам. Я знаю, что дойдешь. И до Города дойдешь и до Крыши дойдешь. Мы вдвоем не дойдем, а ты один дойдешь.

– Я здесь полежу. Я тебя подожду. Ты же вернешься, правда? А и не вернешься – так ладно. Хоть ты останешься цел. – Ее голос становился все слабей. Все тише.

– Помолчи уж. – Тихо ответил я. – Помолчи. – Вера замолкла. Только стискивала своей ладонью мои пальцы. Потом глаза ее закрылись и пальцы ослабли.

Я наклонился к ее лицу, ловя дыхание. Она дышала. Часто, но ровно.

– Вот ведь как…. Вот ведь…. Вот… – Я снова вытянул шею. По коридору гулял сырой сквозняк, выдувал из – под рубашки последнее тепло.

– Ах ты, Вера – Верунчик. Что же ты так? Тим ведь не уснул тогда. Он умер.

– Он умер, а ты ему рубашку свою дала. Да и застыла совсем. Нельзя же на таком сквозняке почти голой сидеть. Нельзя же просто. Как же ты так?

– Хотя бы в одеяло завернулась. Или его одеялом укрыла. Да, чего уж там? Все равно не в себе была. Тот, кто смерть рядом видит – все равно сердцем болеет.

– Может быть и Вера тоже? Может и не простуда у нее? Просто душа изболелась? Может, держалась пока я не пришел? А, я пришел – так сразу легче и стало. А стало легче – вот, и разболелась.

– Раньше держалась потому, что одна была. Страшно тут уже. Все-таки уровень за сотню. Редко кто доходит.

Я поднялся на ноги. Оставаться здесь больше было нельзя, сквозняк за двое суток добьет и меня и Веру.

Я снял каску, положил с ней рядом.

– Пусть хоть светло ей будет. – Светляки завозились под стеклом. Потянулись мордами вверх. Я погладил фонарик.

– Ничего, ребята, ничего. Посветите девочке. Посветите, хорошие. А, я до Тима дойду. Возьму его Светляков. Свет ему уже никчему. – Я снял с себя рюкзак. Положил рядом с фонарем, затянул ремень потуже подошел к стене.

Коснулся ее правой ладонью. Легонько. Лишь так, чтобы касаться ее пальцами. Если идти вдоль стены, то обязательно выйдешь туда куда надо, даже без света.

Я двинулся вперед быстрым шагом. Вере ничего не угрожало, но, все-таки, надолго оставлять ее одну не хотелось.

За поворотом вспыхнул едва заметный, бордовый огонек. Светляки плакали. Их хозяин умер, и они поменяли свой цвет.

– Да, хороший был хозяин Тим. Добрый. Он, наверное, и кормил их хорошо и поил и сказки рассказывал. Про Крышу, про Крылья. Тим он мастер рассказывать сказки. – Я подошел к холмику, под которым лежал Тим и осторожно снял с

каски фонарик.

– Прости Тимоша. Прости. Нам без света с Верой совсем плохо, а тебе он уже никчему. Я твоих Светляков также как ты любить буду. Греть буду, если замерзнут. Кормить и поить. Скажи им, если ты меня слышишь, чтобы они и меня полюбили

Я засунул фонарик под рубашку и двинулся вдоль стены обратно. Тонкое холодное стекло знобко кольнуло голую кожу.

Я поморщился. Светляки очень не любят менять хозяев. Но иногда, получается, заставить их дружить с чужаками. Вот и сейчас они бастовали, совсем пригасив свет, едва различимые за воротом рубашки в бледном голубом сиянии.

– Вы глупые. – Начал я с ними беседу. – Вы глупые маленькие твари. Тим был мне другом. Тим был мне хорошим другом. Почему вы не хотите помочь мне? Помогите, прошу вас. Тим бы сам попросил, но он не может. Он хотел Веру на Крышу вывести. Он бы и меня вывел, если бы я успел.

Стекляшка потеплела. За отворотом рубашки стало отсвечивать малиновым.

–Грустно вам. – Продолжал я с ними говорить нежно – Так и мне грустно. А кому же весело когда друг умирает? Всем плохо. Всем жалко и мне жалко.

Я дошел до своего фонаря и присел на корточки рядом с Верой. Ей лучше не стало. Она отвернулась от фонаря в сторону. Лежала, сжав куртку пальцами до белых костяшек.

– Ничего, Верунчик – Сказал я Вере. – Мы дойдем. Теперь дойдем. Главное, что? Видеть куда идти. И чтобы вода была. А вода у нас есть. У меня еще осталось. Да и Тимоша запасливый. Наверное, у него в мешке больше литра еще осталось. Дойдем.

Я закинул мешок на спину. Взял свою каску и надел. Осторожно просунул Вере руку под голову вторую под колени и поднял.

– Какая же ты легкая Вера. Я тебя до Города хоть на руках хоть на спине, а все равно донесу.

Говорил, чтобы Вере не было страшно, а сам устал давно. Поесть бы, поспать по человечески. Но нельзя. Сейчас было совсем нельзя.

– Коридор он длинный больше километра. – Продолжал я успокаивать Веру.

– Через каждые сто метров подъемы и спуски. Но тот, через который я к вам пришел, завалило. Я кричал громко. Осыпался бетон. Так мы другими пойдем. Но пойдем попозже. Ладно, Верунчик?

Вера ничего не ответила. Просто уткнулась мне в плечо носом.

– Мы вот только нору найдем и там спрячемся. Здесь нор полно. Может быть, там даже реактор найдем. Рассказывали же, что в норах часто реакторы попадаются. Они старые, но все еще могут работать. А если будет реактор, то, наверняка и уголь будет. Черви же уголь не едят. А у меня, Верунчик, еще целая склянка катализатора есть. Целая склянка.

– Врал я ей, конечно. Кто же мне Изгою катализатор даст? Истопники сами его под расписку получают. Заходер бы дал, если бы у него было. А, может, и было? Я только не попросил. И чего же я катализатора у Заходера не попросил?

–Ду-р-рак!

– Вот и согреемся, Верунчик. Вот и согреемся. Я тебя горячей водой напою. У Тимоши, наверное, и сахар даже есть. Тебе бы сейчас в самый раз воды с сахаром вдоволь. Ты бы и поправилась. А если бы аспирину так вообще хорошо. Аспирин он знаешь как простуду гонит. У-у-у-ух!

Я остановился у первого прямоугольного провала, открывшегося из коридора влево. Чуть дальше был такой же провал право.

Я аккуратно положил Веру у стены, дошел до ближайшего, и ткнул киркой в дверь. Если та не рассыпалась ржавой трухой, то в норе можно было находиться.

Если дверь совсем прохудилась, то лучше в такую нору и не залезать. Могут не выдержать перекрытия. Могут взорваться старые баллоны с газом.

Все может быть.

Кирка туго воткнулась в металлопластик. Я рванул ее назад. Дверь, даже не заскрипев, отворилась.

– Вот это да! Вот это да! Так же быть не может! Чтобы вот так вот сразу и нормальную нору найти! Значит, видит боженька, что совсем плохо нам с Верой.

– Значит видит. Значит, поможет дойти.

Куда мы идем я додумывать не стал.

– Да и куда нам идти, если Вера болеет? Не брошу же я ее, в конце концов? Надо, чтобы она сама ногами шла. Вот только с едой да водой проблема. Да с отдыхом. Выспаться бы мне.

Я жестко протер глаза и осторожно шагнул в слепой прямоугольник дверного проема.

– Большая нора! Ох, большая!

Помещение действительно было большим. Метров сто квадратных не меньше. По стенам шли нары в два яруса. Повыше целые батареи толстых объеденных крысами кабелей. Даже плесени было совсем чуть-чуть. Тонкими чахлыми плетями висели они с дверями рядом.

Я прошел чуть дальше. Осторожно попрыгал. Прислушался. Бетон не трещал и не прогибался. Гудел плотно как целиковая земля. Как грунт у Землероев в штольнях. Был я там пару раз.

Если так перекрытие отзывается, значит крепкое. Значит, в этой норе жить еще можно.

Я повернул направо. Пошел вдоль стены. Через несколько метров в углу наткнулся на правильный кубик реактора. Он немного проржавел, но вполне годился к использованию.

Я взялся за рукоять и сильно опустил ее вниз. Заслонка противно заскрипела и ушла в сторону.

– Большой реактор. Для того чтобы такую нору прогреть большой реактор должен быть. Хотя, может быть, здесь человек двадцать жило. Если так? То большой реактор не нужен. Они сами себя могут согреть. Только для того, чтобы хорошую пищу приготовить или полечить тех, кто разболелся, скажем.

Я наклонился над прямоугольным зевом топки. Теплилась тайная надежда, что среди прогоревшего угля, золы и трухи сверкнет маслянистым налетом чуток катализатора.

– Если без катализатора так уголь совсем не поджечь. А если и подожжешь, так дым пойдет, вонь, газ смертельный во все стороны. Только уворачиваться успевай. Сгинем мы без катализатора.

Масляной пленки не было. Я залез в топку рукой, переворошил пепел. Тот был тонок и почти бел.

– Все выгорело! Мать их!

Ругнулся я.

– Все сожгли! Хотя бы о других подумали! Может быть, после них здесь кто ни-будь остановиться захочет?

Я отпустил рукоятку, и дверца с таким же противным скрипом опустилась на место.

– Ну, ладно. – Подумал я невесело – Одна нора и другая нора. Много их нор. Может быть, в какой ни-будь из нор, и найдем то, что нам надо? Может быть? А Тим, что там про норы говорил?

Я присел прямо на пол, морща под каской выпачканный пеплом лоб.

– А Тим говорил, что если нору приличную нашел, так нечего ее бросать. Нужно осмотреть все до последнего сантиметра. В норах много полезных вещей бывает, очень много.

Я поднялся на ноги. Выглянул в коридор. Вера по-прежнему полулежала, полусидела, прислонившись головой к стене.

– Ничего, Верунчик. – Прошептал я ей. – Ничего, Верунчик. Я уже нору приличную нашел и реактор нашел. Не может быть так, чтобы в такой норе угля не было? Не может, ведь? Ну, в крайнем случае, мы лишнюю одежду истопим.

– Плохо без одежды, но найдется ведь, то без чего обойтись можно? Знамо найдется. – Вера не отвечала. Ее личико было грустным и отстраненным. Только бровки ломались на выдохах.

Тяжело было Вере. Болела она. – Дня три – четыре в жару будет метаться. Потом еще отлеживаться столько же для того, чтобы сил набраться. – Я покачал головой.

– По любому выходило, что в Город мы не дойдем. Разве, кто по дороге встретиться, или чудо какое-то произойдет.

В то, что мы кого ни будь, сможем встретить, я не верил. Слишком мало Изгоев уходило в последнее время из Города.

Да и самих-то нас оставалось все меньше и меньше. Никто уже и не понимал, зачем они нужны эти Изгои. Да и мы, не понимали и не понимаем. До сих пор не понимаем.

Я вернулся в нору и продолжил движение вдоль стен. За реактором нашелся небольшой ящик, из серого с белесым налетом металла. Я радостно заулыбался. – Алюминий. Редкий металл. Очень редкий. И дорогой. Его ни время, ни черви не трогают. Вот только, если в кислоте держать так быстро в труху рассыплется. А так – ничего.

В таком ящике, что-то очень ценное должно было быть. Очень ценное. Очень. – Я потрогал рыжий от ржавчины замок на ящике. Тот еще был цел, и под грубыми чешуйками, похожими на коросту мутно блеснул чистый металл.

– Ну, да ладно. Алюминий он мягкий. Замок не срублю, так шарниры киркой поотворачиваю! – Я размахнулся и жахнул со всей силы по замку. Тот жалобно тренькнув, отвалился в сторону с пополам разрубленной душкой.

Металл оказался крепким только снаружи. Изъеденный кинжальной ржавчиной он весь разваливался на кусочки.

– Ну и ладно! Ну, и хорошо! Мне же чем хуже, тем лучше! Я сил меньше потрачу. Мне и еды понадобиться меньше. Может быть, и хватит, если уголь найдем.

Я поддел крышку молоком. Откинул ее в сторону. Нагнулся над ящиком, освещая его нутро.

Мне отчаянно везло. Нет, правда, везло. На самом дне, похожие на взрывчатые шашки Землероев, лежали круглые палочки топливного угля. С мягким антрацитовым блеском. Гладкие и ровные. А, рядом в бутыле было едва ли с его треть мутно-зеленой жижи катализатора.

Я закрыл крышку ящика. Помотал головой. Вдруг мерещится? И открыл ящик снова. Ничего не изменилось. Уголь и катализатор были на месте.

– Вот ведь как хорошо! Вот ведь как распрекрасно то! – Я выскочил в коридор. Поднял Веру на руки.

– Верунчик, Верунчик, Верунчик… Согреем мы тебя сейчас. И согреем и полечим. Есть у нас и нора. Есть у нас и уголь. Есть у нас все, чтобы выздороветь! – Вера слабо застонала.

– Не хочу без тебя, Самсончик… – Едва расслышал я.

– Ну, как же это без меня то? Не можешь ты без меня Вера. Никак не можешь! – Я протащил ее в нору и положил на нары покрепче совсем рядом с реактором. Мешок Тима внес следом. Теперь нужно было запустить реактор.

Я взял из ящика топливную шашку. Вытащил свой мешок и вытряхнул из него пожитки. Положил шашку внутрь и стал дробить молотком ее мелко. Нужно было мелко. Но и не так, чтобы очень. Если уголь совсем в пыль изрубить. Да если в норе сухо совсем так она и взорваться может.

Лекари каждый год по десятку таких вот, лопоухих лечат. Они думают, что чем шашка мельче изрублена, тем реактор теплее. Так – то оно так, но вот о том, что пыль, может, и жизни лишить не думают.

Мы вот Изгои думаем. Нас совсем мало по бестолковому гибнет. Вот ведь тоже загадка. Почему Истопники по – глупому умирают, не смотря на то, что и учат их и показывают, а Изгои почти нет? Умнее мы этих Истопников что ли?

Я осторожно встряхнул свой мешок. В нем едва слышно зашелестело. Я засунул руку внутрь и вытащил пригоршню зерен. Пыль была, но ее было немного.

Очень качественно я шашку порубил. Очень. Я всыпал угольное крошево обратно в мешок и подобрался к реактору ближе. Открыл заслонку и аккуратно, по горсточке переложил на поддон топливо. Взял из ящика бутыль с катализатором, глубоко вздохнув, задержал дыхание и осторожно, прихватив ребристый край рукавом, свинтил пробку.

В нос полез едкий, колкий запах. Надолго оставлять бутыль открытой тоже было нельзя. Катализатор, если он не в реакторе – смертельный яд. Надышимся и каюк.

Я примерился и аккуратно откапал десять капель на поддон реактора. Завинтил крышку плотно и убрал в ящик. А ящик закрыл.

– Самсончик, где ты? – Испугалась Вера. Она очнулась, пыталась приподняться на локте и осмотреться.

– Тут я Верунчик, тут. Здесь я не бойся. – Я подошел к ней и сев рядом, положил ее голову себе на колени. Совсем как с Тимом.

– Все хорошо Вера. Все хорошо. Я нору нашел теплую. Смотри – какая большая. – Я сделал широкий жест свободной рукой.

– Тут и реактор есть и уголь и катализатора целая бутыль. Проживем. Не переживай. Тебе отдохнуть сейчас надо. Сил набраться. Нужно, чтобы хворь из тебя вся вышла. А выйдет из тебя хворь, вот тогда мы и решать будем на Крышу мы с тобой пойдем, или в Город будем возвращаться.

– А Последники? – Вера почти осмысленно смотрела мне в лицо с колен. Я снял с каски фонарик и положил на нары рядом.

– Тоже еще незадача. Я же нору не всю обошел. А вдруг здесь кто-то мертвый лежит? Еще со времен последней войны? Такое иногда бывает.

Заходит, скажем, Изгой в нору. А там все есть. И вода есть, и уголь есть и катализатора – залейся. И по коридорам грибов видимо-невидимо. И ферментов полные карманы. Собирай да ешь.

Вот он в такой норе устаивается да и живет себе. А в ней кто-то раньше жил да умер. Мало ли от чего умер? От тоски мог умереть, или от болезни, или от старости. Приляжет уставший Изгой на нары, а Последник, весь червями выеденный аж до блеска встанет, и как начнет своим скелетом греметь, на ребрах играть. Как завоет!

– На чужое позарился, дармоед! Ни какого от тебя толку в Городе нет, так ты сюда пришел?! Меня старика объедать опивать да у моего тепла греться! Да как посмотрит на него, на Изгоя, слепыми глазницами, так тот сразу чувства и лишается. А уж если потрогает его Последник своими костяшками, так не только Изгой умирает. Тут уж и Лекарю можно на тот свет отправиться.

– Чисто тут Верунчик. – Соврал я. Не люблю врать. Плохо мне, когда вру. Будто не я становлюсь, а другой, какой-то. Словно стенка перед глазами вырастает. Раз соврал, другой соврал. А она все толще и толще. Вот и стараюсь не врать.

Но, тут как же? Скажешь, что не всю нору осмотрел, так Вера еще больше бояться начнет. Мне-то Последники что? Я уже так устал, что, наверное, у него на плече спать смогу.

– Я все-все проверил, Вера. – Вру я ей дальше. – Правда-правда. Все проверил. – Вера благодарно кивнула головой и глаза закрыла. То ли во сне, то ли в беспамятстве. А от реактора тепло пошло. Почти жар. Плесень у дверей

закрутилась кольцами, пожухла.

Я даже вспотел весь. А это плохо. Воды и так мало. Лучше мне не потеть. Вере вот можно. Нужно даже.

Я аккуратно опустил ее голову на нары. Расстегнул ворот своей рубашки. Подошел к мешку Тима и вывалил все его содержимое на пол. Ревизию давно надо было сделать. Как же на Крышу идти, если припасов своих не знать? Плохо…

# # #

Ландгрувер стоял навытяжку перед высшим Храмовником. Пальцы вытянутых вперед рук подрагивали. Глаза, закатившись под лоб, мертво отсвечивали белками.

– Что видишь? – Ровно вопрошал Храмовник в алом хитоне. Высохший длинный как лом, старый и мудрый.

– Страх вижу… – Покачиваясь, отвечал Ландгрувер.

– Боль вижу…

– Что болит? – Оживился Храмовник.

– Ноги… – Отозвался Ландгрувер.

– Спина… Руки в мозолях… Идет кровь… Света совсем немного…

– Тим?

– Нет…

– А Тим? – Ландгрувер напрягся. Пальцы дрогнули. Через бритый лоб пролегла морщина. По щекам стекали капли пота.

– Не вижу… Хотя… – Ладнгрувер качнулся с пятки на носок. Нагнул голову. Повернул ее чуть вправо-влево.

– Вижу раньше… Высоко… Страшно… Тоска… Боль… Песня…

Какая песня? – Храмовник подошел к Ландгруверу ближе. Коснулся его плеча длинным пальцем. Тот вздрогнул. Выгнулся словно от разряда электротока. Запел чужим, пустым, страшным голосом

– Баю-баю-шки баю …

– Вера?

– Да…

– А, Тим?

– Тим?

– Да…

– Болит. Сильно болит, грудь болит. Живот болит. Потом – светло, чисто… Отдых… Навсегда…

– Дальше! – Храмовник положил руки на плечи Ландгруверу. Тот просел, слово на него повесили двухпудовую гирю.

– Тьма, потом – свет – Ландгрувер тихо вздохнул и стал падать. Храмовник подхватил его подмышки.

– Тим?

– Да… – Прошелестел белеющими губами Ландгрувер.

– Я скажу три – тебе станет легче. Три… – Ландгрувер перестал падать. Закачался неловко, но устоял.

– Я скажу два, и ты откроешь глаза. Два… – Ландгрувер открыл глаза и стал сонливо осматриваться по сторонам.

– Я скажу один, и ты вернешься. Один… – Взгляд Ландгрувера приобрел осмысленность. Он смущенно отстранился от высшего Храмовника. Сделал два шага назад и склонился в полупоклоне, положив на сжатый кулак открытую ладонь.

– Простите, Учитель. – Он склонился еще ниже.

– Я не все увидел. Я недостоин. – Храмовник грустно улыбнулся, собрав на щеках глубокие складки.

– Не вини себя. Для того, чтобы видеть, нужны силы и дар. У тебя есть и то и другое. Я не ошибся.

– А, Самсон? – Ландгрувер выпрямился и пытливо посмотрел учителю в глаза. Тот покачал головой из стороны в сторону. Приложил палец к губами.

Ландгрувер снова склонился перед Храмовником и сделал еще один шаг назад.

– Я прошу меня простить, Учитель, я просил о недозволенном.

– Всему свое время, младший. – Храмовник величаво поднял руку в струящемся пурпуре и осенил Ландгрувера знаком Свободы.

– Ты должен отдохнуть. Завтра нужно будет видеть снова. Иди. Пусть тебе дадут поесть.

# # #

– Та-а-ак… Что мы имеем? А имеем, и вроде бы как неплохо имеем. Вода два литра. Грибов четыре брикета. Протеинов три. Ого! – Я раскопал в куче вещей и нежно поставил рядом стеклянную баночку с россыпью голубоватых кристаллов.

– Живем, Верунчик! Живем! Тебе от сахару сразу полегчает! Это не грибы в животе ворочать! Сахар он сразу в голову идет, в сердце в руки-ноги!

Я отодвинул сахар подальше от общих запасов и продолжил копаться в них дальше. Под мотком страховочной веревки нашлась круглая жестяная коробочка. Я поднял ее и потряс над ухом. Что-то в ней уверенно колотилось в стенки. Я аккуратно поддел край кончиком кирки и открыл ее бережно.

С маленькими коробочками вообще не шутят. В них все что угодно может быть. И чем коробочка меньше, тем в них припасы ценнее. Это и лекарство могло быть и фермент, какой особенный, а может и блокиратор. – Я прищурился на содержимое. Белые, с желтоватым оттенком горошины могли быть чем угодно. Я собрал складками лоб. Нужно было подумать.

– Если Тим в эту коробку ферментов положил, то этого мало. Очень мало!

– Ну, не думал же он за пять дней до Крыши дойти? Фермента никогда мало не бывает. Его всегда с запасом берут. А вдруг не хватит? С ферментом можно и без запасенной еды на уровнях продержаться. А тут… – Я пересчитал горошины.

Их было восемь штук. – Всего-то восемь.

– Это же на три раза поесть по-человечески. – Я взял горошину и осторожно лизнул. Если бы это был фермент, то он был бы горьким. Очень горьким. А тут… Странный вкус. Неуловимо знакомый. Но…

– Тимоша? А, Тимоша. Скажи ты мне друг ситный. Блокиратор один раз принимают или его нужно постоянно есть? А?

– Его один раз принимают, Самсончик. – Я повернулся на голос. Вера не спала. Она уже согрелась и больше не сворачивалась в калачик. Щеки горели румянцем, пока еще болезненным, но глаза уже были значительно веселей.

– А откуда ты это знаешь? – Улыбнулся я Вере. Рад я был, что она от бреда очнулась. Бред – плохая штука. В чистом виде – болезнь.

– Заходер рассказывал. – Вера блеснула глазами лукаво. – Неужели ты Химику не поверишь? Они его один раз дают, а потом к Лекарям отводят. Те кладут в кровать. Отваром сахарным поят. Пот вытирают. Греют, если зябнет. На лоб холод кладут, если жарко.

– А это тогда что такое? – Я показал коробочку Вере. Та вытянулась на нарах, силясь разглядеть. Пожала плечами.

– Не знаю, Самсончик. Это ты у нас умный.

– Вот, я думаю, что лекарства, здесь какие, ни-будь. А Вера? Что ты думаешь?

– А какие лекарства? – Вера прикрывала глаза. Трудно ей, все-таки. Болезнь – не шутка.

– Вот, и я не знаю – какие лекарства. Может быть, я сначала попробую? Я совсем немного. Пол горошины съем. Если мне плохо станет так мы в норе. А нора у нас с тобой хорошая. Я быстро выздоровею. А, если мне плохо станет. Так и поймем, что нельзя это есть? А? – Вера насупилась.

– А вдруг, и ты умрешь? Может быть, Тим яд с собой носил? Может он умереть хотел?

– А зачем яду с собой целых восемь горошин носить? А? – Заулыбался я. – Если горошин восемь значит нужно не один раз принимать. А если это яд, то и от одной умереть можно. Так ведь?

– Так, Самсончик, так. – Веру снова клонило в сон. Я спохватился. Ее нужно было напоить сладкой водой. Измученному организму требовалась пища, самая легкая – какую можно было достать.

– Верунчик. – Забеспокоился я. – Ты пока не спи. Я сейчас воды согрею, у Тима в мешке знаешь что есть? У него сахар есть! Вот! – Вера не ответила.

Уткнувшись носом в сгиб локтя сопела беспокойно. Вздрагивала плечами.

– Умаялась – Согласился я. Отвинтил у фляжки пробку и набулькал в кружку целую половину. Поставил на реактор. Закипит она не скоро. Все-таки я катализатора налил немного, да и зерна крупные.

– А, где я еще шашек найду? Экономить надо! Мне бы и самому вздремнуть не мешало. Совсем не мешало. Только вот вода согреется, тогда я и лягу. А то вдруг не проснусь? Она и выкипит вся. Жалко. – Я таращился на рдеющие рубиновым светом круглые глазки реактора, и ждал, когда над кружкой начнет виться парок, и со дна будут подниматься мелкие пузыри.

– Хуже нет – ждать и догонять. Тоска зеленая! Подумать бы, о чем веселом, да вот что-то мысли хорошие в голову не идут. О себе может подумать? Давай о себе подумаю?

– Вот, например, тоже незадача: почему у Изгоев родителей нет? У всех есть! И у Химиков есть, и у Плантаторов есть? Даже у Храмовников есть родители! А вот у Изгоев нет. Говорят, что нас в Храмы подкидывают те, кому детей воспитывать неохота.

– Но ведь не такая уж обуза – дети. На них и нормы повышают, и отпуск от работы дают. Думай – не думай, а испокон веку так было и ничего не поменять уже. А если и поменять, то не здесь. – Голова клонилась на грудь, сонливость сбивала все барьеры и думала о крамольном. Я ей не мешал.

– Не в нашем Городе новые порядки наводить. Большой у нас Город. Никто его, наверное, еще из конца в конец не проходил. Многие штольни выработаны и заброшены, многие засыпаны. Все в двадцати-двадцати пяти уровнях живут.

– Ниже Землерои копаются. Выше Истопники. В середине все остальные и Плантаторы, и Химики и Лекари. А в центре Города Храм. Большой и красивый.

– Высокий и круглый. Говорят, что он через все уровни проходит и прямо из Крыши его маковка торчит. Ну, так-то говорят. Кто же проверит? Я вот у Ландгрувера спрашивал. Так, тот молчит. Молчит и ухмыляется. Болтает только своей лысой головой с пятнами. – Над кружкой пошел парок. Она отчетливо заскрипела, забулькала.

Я торопливо вскочил и, прихватив ручку рукавом, осторожно снял драгоценный кипяток с реактора. Поставил на ящик с углем. Взял банку с сахаром и сыпанул в кружку четверть.

Если сразу все высыпать – толку меньше будет. Пройдет часть мимо. А так в самый раз. – Размешал ножом и потрогал горячую сладкую воду кончиком языка.

– Эх, самому бы выпить – да, нельзя. Вере нужно сил набираться. А я и грибами обойдусь. Обойдусь, точно!

– Вера… – Толкнул я свою подругу в плечо. – Верунчик, проснись. – Вера завозилась на нарах. Скроила плаксивую гримасску.

– Плохо мне Самсончик. Плохо.

– А ты проснись, Верунь, чего дам. – Вера открыла глаза и уставилась на меня сонным взглядом, похоже, не понимая, где находится и с кем.

– Самсон, ты?

Да я – это я, Вера! Разболелась совсем. – Я поднес к ней кружку ближе.

– Вот я тебе сахару развел. Попей. Тебе легче станет. – Взгляд Веры стал осмысленным.

– А ты?

– Да я уже… – Соврал я ей снова. – Пил я, правда.

– Ну, хорошо. – Вера привстала. Склонилась над краем кружки и сделала большой глоток. – Вку-у-у-сно. – Заулыбалась она.

– Ну, еще бы! – С удовольствием хмыкнул я. – Знамо дело вкусно. Чего же вкусней воды с сахаром бывает? – Вера не ответила. Она требовательно нажала губами на край кружки, и теперь пила не отрываясь. Пила до тех пор, пока не выпила все.

– Спасибо, Самсончик – Она откинулась на нары и закрыла глаза. – Мне лучше. Правда.

– Ну и хорошо. Ну, славно. Вере легче. Теперь надо о себе и о нас подумать. А что подумать то? Двери вот я не прикрыл. Тепло выносит. А прикрою, жарко может быть. Вспотеем. Влагу потеряем. Тоже плохо.

– Нору надо обойти, вдруг, где ни-будь действительно Последники лежат. Хотя мне сейчас, что Последники, что Храмовники, что Династы…. С любым готов в обнимку на нарах спать. Я прикрыл рот ладонью. Нельзя о Династах по-простому говорить. Они как боги…. Но устал я. Сильно устал.

Я взял из жестяной баночки горошину Тима и откусил ровно половину. Вторую положил обратно. – Посплю сейчас. Если проснусь и ничего – Вере дам.

Хуже то все равно не будет. – Спать хотелось уже нестерпимо. Я привалился к Вере боком и рухнул во сны.

# # #

Уиллисис – служитель Храма, высокий, худой, одетый в пурпурную тогу, подпоясанный золотой цепью, с деревянным орденом на груди, на котором отчетливо проступала древняя витиеватая резьба в виде стилизованного изображения знака «Крыльев», подошел к низкой железной двери, и тронул посохом дремлющего охранника.

Крепкий Солдат, с толстыми длинными руками, открыл большие в пол головы глаза, утопленные глубоко в череп и склонился в поклоне.

– Приветствую Вас, Настоятель. – Он выпрямился и шевельнул чуткими ноздрями.

– Вы к Королеве?

– Да, сержант. – Храмовник кивнул лысой головой. – У меня нет ничего кроме этого посоха и новостей. Вы можете пропустить меня без досмотра.

– Хорошо, Настоятель. – Солдат отступил в сторону. – Королева ждет.

Уиллисис прошел лабиринтом небольших комнат, петляя и поворачивая в стороны, затем дважды постучал посохом в высокую стрельчатую дверь со стеклянными вставками.

В двери тонко запел пружинный механизм, и она медленно отворилась. Храмовник прошел внутрь и снова ударил по двери дважды. Та затворилась столь же мягко.

Он прошел по голубой дорожке сотканного из споровых корзинок голубого мха, даже не разглядывая богатое убранство Сердца Храма.

Он бывал здесь довольно часто. Храмовник прошел по ковровой дорожке до конца и оказался перед парным троном. Тот был пустым. Храмовника это не расстроило. Сегодня не было приема, и Королева могла быть занята чем угодно.

Он осмотрелся в зале и, приметив движение в одной из ниш, двинулся туда. Остановившись за десять метров от туалетного столика, перед которым сидела Королева, он склонился в глубоком поклоне.

– Здравствуйте, Госпожа. – Уиллисис – восьмой настоятель Храма, древний как сам Город склонился перед Королевой низко, как только мог. Пурпурная мантия смешно съехала на голову, но он молчал. Молчал, скорбно поджав губы, поскольку нес плохую весть.

– Встань Уиллисис. Не время для церемоний. – Королева, высокая стройная, с правильным красивым лицом, на котором почти не отразились долгие, очень долгие годы ее жизни, одетая в серебристое платье, сотканное целиком из тончайших нитей шелковичных червей, прикрытая длинным полупрозрачным плащом, отраженная большим зеркалом, улыбнулась Высшему Храмовнику.

Уиллисис выпрямил спину и посмотрел в глаза Королевы с изящным, не характерным для основного населения Города раскосом.

– Присядь. – Королева встала, показала рукой на стул из дерева, более драгоценного, чем золото. Храмовник присел на стул одновременно почтительно

и осторожно.

Он знал этикет и постарался показать, что любит свою госпожу и ценит, но не боится.

– Налей себе вина Уиллисис. – Храмовник склонил бритую макушку с одиноким красным пятном – знаком высшего звания Храма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ryzhkov_igor/kryl-ya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити